

Всероссийская олимпиада школьников. 2019--2020 учебный год.

Школьный этап.

Литература.

10 класс.

Продолжительность – 150 минут.

1. «ПОЭЗИЯ ДЛЯ ГЛАЗА» (35 баллов)

Этой штукой, гремя и звеня, бьёт частенько супруга
меня

В литературе давно известны формы фигурных текстов. Симеон Полоцкий писал стихотворения в форме звезды и сердца, а Г.Р. Державин – в форме пирамиды и гробницы. Не всегда темы таких стихотворений серьёзны. Например, приведённый слева текст – пародия Евг. Венского «Загадка» на подобные попытки Ивана Рукавишникова.

1. [5 баллов] Отгадайте загадку.
2. [30 баллов] Напишите стихотворный или прозаический текст (серьёзный или смешной), расположив его на листе в виде условного изображения (выберите один из вариантов):

а) солнца; б) оконной рамы; в) лица человека.

При оценивании учитываются связь формы и содержания, стиль и образность.

2. II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно.

Рекомендуемый объём – 350–400 слов.

Вариант 1. Прозаический текст

Дина Ильинична Рубина (род. 1953)

ГОЛОС В МЕТРО

Учительница музыки, вдохновенная и строгая старуха, жила в огромной коммунальной квартире на Чистых Прудах. Если закрыть глаза, можно и сейчас вспомнить до мельчайших подробностей – что стояло в этой тесной, как пенал, комнатке, и в который раз подивиться – каким чудом вполз и стал боком к окну старый «Блютнер». На стене висели четыре тарелки саксонского фарфора: на одной – кавалер в коротких лиловых штанах знакомился с дамой, в глубоком поклоне отставив икрастую ногу с бантом, на второй – они гуляли под ручку среди двух зелёных кустов, на третьей – откровенно миловались, на четвёртой – женились.

Старый «Блютнер» в пустой слепополуденной квартире звучал властно и гулко...

– Менуэт надо играть – так! – говорила учительница и указывала пальцем на третье блюдо, где, прикрыв веером длинную шею и половину щеки, дама пальчиком грозила галантному кавалеру...

Уроки музыки продолжались всё детство, до самого девятого класса, пока мама не решила, что пора приналечь на математику, оставив музыку «для души».

В девятом классе их школу слили с другой, математической, в классе появилось несколько новых мальчиков, и в одного из них она влюбилась до беспамятства. Это был блестяще одарённый мальчик: он прекрасно учился, писал стихи, рисовал... И внешне удивительно соответствовал всем своим дарованиям: рослый, тонкий в кости, с волнистыми светлыми волосами, с сильным художавым лицом – такими она представляла себе ангелов. И даже чки ему шли, и даже имя его – Кирилл – казалось ей благородно-лаконичным, мужественным, летящим. Но главное, голос – светлого счастливого тембра – ввергал её в экстаз, сродни молитвенному. Голос был чистой радостью...

Стоило ему оказаться поблизости, с ней происходило нечто вроде припадка: горло сжималось в спазме, в висках стучали молотки, колени подгибались, по спине бежали мурашки...

Он её не замечал... Дружил с двумя мальчиками из бывшей своей школы и с её подружкой Фирой – активной девочкой, какие всегда становятся старостами класса, комсоргами, председателями школьных комитетов.

– А знаешь, это даже хорошо, что он ни о чём не подозревает! – уверяла её Фира – Не так унизительно для тебя...

Целый год она ждала, что случится что-нибудь – например, в один прекрасный день она спокойно подойдёт к нему и что-то спросит, легко и остроумно, как она может, или, наоборот, – он вдруг увидит, заметит её,

восхитится ею... Но время шло, и ничего не менялось – каждый раз, когда он проходил мимо или случайно обращался к ней, она немела, теряла самообладание, в висках бухали молотки, колени подгибались...

В десятом, последнем классе он перешёл в другую школу. Она проболела от горя недели три, потом несколько месяцев жила как в погребе, задыхаясь без его голоса; наконец стала выздоравливать от этой запойной любви и в конце концов выжила, обошлось...

Время от времени Фира, которая продолжала дружить с Кириллом и встречалась с ним в каких-то компаниях, приносила новости: он с блеском сдал экзамены в медицинский, он опубликовал в «Смене» три стихотворения, он – капитан команды КВН Первого медицинского... Он закончил аспирантуру... Он женился...

* * *

Через несколько лет, когда все они уже переженились, Фира пригласила её с мужем на день рождения, обронив мельком: «Приходи, между прочим, и Кирилл будет».

Она пришла. И она увидела его. Это был умный, яркий мужчина с начальственным баритоном, уже добившийся немалого в своей профессии. И он был абсолютно ей безразличен, потому что ничего общего не имел с тем удивительным мальчиком, при звуке голоса которого она цепенела и глохла.

Когда все выпили и завязался разговор, она стала что-то рассказывать, одну из своих забавных историй, – она всегда была артистичной, остроумной рассказчицей и умела подмечать и отшлифовывать те блёстки, которые рассыпаны по нашим будничным жизням. И на другом конце стола он вдруг умолк, обернулся в её сторону, потом заулыбался, расхохотался, удивился и уже весь вечер ходил за ней из комнаты в комнату, а она с удовлетворением взрослой молодой женщины чувствовала эту натянутую струну между ними. И была спокойна, спокойна и уверена в своём обаянии.

На другой день позвонила Фира, сказала: – Слушай, какой успех ты имела вчера у сильной половины! Мне Кирилл говорит: «Как преобразилась Нона! Умна, интересна... А хороша!» – а я ему: «Да она всегда такой была, ты просто не замечал!»

* * *

И прошло ещё несколько лет. В середине семидесятых он эмигрировал с семьёй в Америку и там поначалу приживался и пробивался тяжело, экзамены сдавал, ассистировал какому-то профессору, – он, кто уже блестяще проводил сложнейшие операции, к кому в Москве добивались попасть на приём! – он подавал инструменты и отвечал: «Да, сэр... нет, сэр...» Но и такое превозмог этот сильный талантливый человек, встал на ноги, преуспел, даже разбогател...

Изредка на перекладных довозились полузаглохшие приветы... И Фира рассказывала какие-то невероятные вещи: Кирилл приобрёл под Нью-Йорком огрмный дом – для русских писателей, нечто вроде дома

творчества, – чтобы тем было где работать... У Кирилла несколько клиник... Он учредил стипендию для молодых поэтов...

Потом жизнь совсем завертелась, закрутилась, рухнула империя, вышла замуж дочка, с огромными трудами построили дачу, купили наконец машину...

Однажды позвонил бывший соученик, сказал:

– Слушай, приехал Кирилл, помнишь его?.. Издал книжку своих стихов, и ребята организовали ему вечер в Музее Маяковского. Хочешь прийти?

Она пошла. Перед самым входом в музей увидела подъехавшее такси, из которого вышел высокий, грузный, не по-здешнему загорелый человек в светлом плаще.

Она приблизилась, окликнула его:

– Кирилл!

Он остановился, вопросительно глядя.

– Я – Нона...

Ахнул, раскинул руки, бросился обнимать:

– Нонка, как я рад, как я рад!..

Она сказала:

– Ну, не буду тебе мешать, тебе ведь надо сосредоточиться перед выступлением... После поговорим...

– погоди, погоди!.. Что – после! Расскажи – как тут все? Я что-то не могу до Фирки дозвониться, она что – переехала?

– Кирилл, – сказала она, – Фира умерла полгода назад...

Он зажмурился, скривился... тихо спросил:

– А Володька Шкурников?

– Два месяца как умер от инсульта... Видишь, я не хотела так сразу, но ты спросил, и я не смогла...

– Ничего, – проговорил он, как-то осунувшись, – ничего... Что ж тут поделаешь!

...И своё выступление начал с того, что узнал сейчас о кончине школьных друзей, памяти которых и хотел бы посвятить этот вечер. Потом долго читал стихи, хорошие стихи – Нона сначала побаивалась, что будет неловко, если не понравится, но ей понравились многие стихи, а она была из ценителей и всю жизнь следила за новыми именами... Понравилось даже, как он читает – монотонным голосом, что называется, безыскусно...

Дня через два, перед самым его отъездом, они встретились. Он звал её обедать в модный ресторан, но она сказала:

– Да брось, какой там ресторан! Приходи ко мне, посидим, поговорим...

И он пришёл, принёс дорогое вино и цветы, они долго сидели в гостиной, вспоминали, вспоминали... Словно проучились не один год, а с первого и до последнего класса... Очевидно, тот девятый класс, те пятнадцатилетние ломкие их голоса звучали в памяти каждого яснее, чем остальные звуки...

И вдруг, перебив саму себя на какой-то забавной истории, она стала

рассказывать ему, как страшно и горестно его любила, как слабела при виде него, как горло сжимал спазм, стучали в висках молотки и подсекались ноги...

Он схватился за голову, простонал:

– Боже мой! Почему, почему ты не призналась! Почему ты молчала?!

Ведь всё могло быть иначе!

Она засмеялась, сказала:

– Пойдём на кухню, я сварю кофе... Потрясающий рецепт, знаешь, от одного бармена из Салоник, там вся штука, чтобы пенка дважды подходила...

* * *

Недели через две поздним вечером она возвращалась домой в метро. На одной из станций в вагон ввалилась компания подростков лет по пятнадцати.

Она стояла к ним спиной и видела только смутные отражения в тёмном окне.

Судя по всему, они возвращались с вечеринки и шумно обсуждали удавшийся вечер... Голос одного из них вдруг полоснул по сердцу, круто развернул её к группке юнцов. Она оглянулась.

Один из мальчиков поразительно напоминал Кирилла – то же сильное худощавое лицо в очках, тонкость в кости... Но главное – голос, тёплый мальчишеский голос... Это было удивительное, редкое сходство!

И – горло её сжалось, в висках заколотился пульс, колени ослабели...

* * *

Она вышла на остановку раньше и долго шла с колотящимся сердцем по Чистым Прудам – по тёмным родным переулкам, в которых давно не гуляла...

Постояла и у знакомого подъезда в старом доме, где учительница музыки когда-то протягивала руку к галантной любви на фарфоровом блюде и говорила ей строго:

– Менуэт надо играть – так!

<1980-e>

Вариант 2. Поэтический текст

Борис Абрамович Слуцкий (1914–1986))

СЛАВА

Местный сумасшедший, раза два
чуть было не сжёгший всю деревню,
пел «Катюшу», все ее слова
выводил в каком-то сладком рвении.
Выходил и песню выводил,
верно выводил, хотя и слабо,
и когда он мимо проходил,

[illegible]

<1971>

